

«Двойные послания» (double bind) в российских медиа в период эпидемии COVID-19

Н. С. Первушин

*Новосибирский государственный университет
Новосибирск, Россия*

Аннотация

Пандемия COVID-19 стала неожиданным событием, в результате которого человечество переживало продолжительную ситуацию неопределенности, самоизоляции и столкнулось с рядом ограничительных мер. Исследователи отмечают ухудшение психологического здоровья населения на фоне пандемии. При этом особая роль отведена медиа, деятельность которых приводит к инфодемии и усугублению негативных психологических явлений среди населения.

Данное исследование посвящено рассмотрению деятельности российских медиа в период эпидемии COVID-19 сквозь призму концепции Г. Бейтсона. Проанализирована динамика публикационной активности российских СМИ в первую и вторую волну распространения коронавируса в соотношении с динамикой эпидемии. Кроме того, изучались содержание и дискурс новостей.

Первая волна эпидемии оказалась существенно выше в медийном освещении, чем вторая, хотя в плане масштаба вторая волна COVID-19 была разрушительнее. Выявлено, что и государственные, и независимые СМИ снижают свою активность по мере спада эпидемии в Москве. Тем самым летом 2020 г. в регионах с увеличивающимся количеством новых выявленных заражений, аудитория получала двойное послание: эпидемия не заслуживает прежнего внимания, хотя опасность заражения растёт.

Государственные медиа транслируют успокаивающий дискурс, хотя меры по сдерживанию оказываются беспрецедентными, особенно в первую волну эпидемии. Здесь другое double bind: вируса бояться не стоит, но нельзя выходить из дома без необходимости и нужно менять стиль жизни и подстраиваться под ситуацию. Рассматриваются двойные послания медиа в отношении масок, перчаток, необходимых карантинных мер, дистанционной работы и учебы, статистики, действиях при заражении, вакцинации и пр.

Продолжительное нахождение в ситуации множества double bind относительно темы COVID-19 ведет к разным проявлениям психотических симптомов. В первую волну эпидемии заметны гебфренические проявления: сообщения высмеиваются без учета контекста, создается специфический язык. Другой вариант – распространение теорий заговора. Наконец, третий – бегство от темы, что заметно при сравнении публикационной активности, интереса и эмоциональной реакции медиасферы в первую и вторую волну. Полученные результаты приводят к необходимости рефлексии по поводу работы медиа в возможные аналогичные периоды в будущем. Это приводит к дилемме между свободой и безопасностью.

Ключевые слова

медиа, неопределенность, COVID-19, общество риска, свобода, безопасность, самоизоляция, double bind, регионы России, шизофрения, инфодемия

Для цитирования

Первушин Н. С. «Двойные послания» (double bind) в российских медиа в период эпидемии COVID-19 // Reflexio. 2020. Т. 13, № 2. С. 44–65. DOI 10.25205/2658-4506-2020-13-2-44-65

Double Bind in Russian Media during the COVID-19 Epidemic

N. S. Pervushin

*Novosibirsk State University,
Novosibirsk, Russian Federation*

Abstract

The COVID-19 pandemic is an unexpected event for mankind, as a result of which people experienced a prolonged situation of uncertainty, self-isolation and faced a number of unique restrictive measures. Researchers note a deterioration of the psychological health of population during the pandemic. In this case, a special role is played by media, which activity leads to infodemic and aggravation of negative psychological effects among the population.

This study focuses on the activity of Russian media during the COVID-19 epidemic through the lens of G. Bateson's concept. The dynamics of the publication activity of Russian media in the first and second wave of the spread of coronavirus in relation to the dynamics of the epidemic is analyzed. In addition to this, news content and discourse were studied.

The first wave of the epidemic was significantly higher in media coverage than the second, although in terms of scale, the second wave of COVID-19 was more devastating. It was revealed that both state and independent media decrease their activity as the epidemic in Moscow declines. Thus, in the summer of 2020 in regions with an increasing number of newly diagnosed cases of COVID-19, the audience receives a double bind: "the epidemic does not deserve the former attention, although the risk of infection increases".

State media broadcast a calming discourse, though restrictive measures are unprecedented, especially in the first wave of the epidemic. Here we face another double bind: "you shouldn't be afraid of COVID-19, but you can't leave home unnecessarily and you have to change your lifestyle and adapt to the situation". Double binds from media are considered regarding masks, gloves, necessary quarantine measures, teleworking, online study, statistics, actions in case of infection, vaccination, etc.

Prolonged exposure in the set of media double binds regarding COVID-19 leads to various manifestations of schizophrenic symptoms. In the first wave of the epidemic hebephrenic manifestations are noticeable: messages are ridiculed without taking into account the context; a specific language is created. Another way is a spread of conspiracy theories. The last option is an escape from the topic, which is noticeable when comparing the publication activity, interest and emotional reaction of the media sphere during the first and second wave. The obtained results mean the necessity of reflection on the work of media in potential similar periods in the future. This leads to a dilemma between liberty and security.

Keywords

media, uncertainty, COVID-19, risk society, liberty, security, self-isolation, double bind, Russian regions, infodemic, schizophrenia

For citation

Pervushin, N. S. (2020). Double Bind in Russian Media during the COVID-19 Epidemic. *Reflexio*, 13 (2), 44–65. (in Russ.) DOI 10.25205/2658-4506-2020-13-2-44-65

Психологические проблемы на фоне пандемии

С конца 2019 г. доминирующей темой мировой и российской медиаповестки оказалась пандемия коронавируса, особенно это было заметно весной 2020 г. Такой интерес медиа выглядит оправданным, поскольку трудно найти аналоги продолжительного переживания и нахождения в неопределенной и рискогенной ситуации, которая сопровождается ограничением свобод и вынужденной адаптацией к новым правилам и условиям. В терминологии Н. Талеба пандемия – «черный лебедь», обрушившийся на планету и приведший к значительным пе-

ременам, которые можно было предсказать, но которые не были ожидаемы [Талев, 2010. С. 189–223]. Современное общество риска стало еще более рискогенным, при этом все меньше человек может в своем мышлении и поведении учитывать прежний опыт, возникает необходимость ориентации на настоящее и будущее [Бек, 2000. С. 14–26]. Такие вынужденные условия существования современного человека (неопределенность, риски здоровью, беспрецедентные ограничительные меры, новые форматы работы и учебы и пр.) подобны лабораторным, а пандемия и реакция на нее – гигантскому эксперименту. Очевиден интерес разных ученых, исследователей и мыслителей к феномену, поэтому пандемия COVID-19 доминирует не только в медиапространстве, но и в повестке биологических, психологических, социологических, философских и др. журналов и исследований 2020 г. Исследователи НГУ провели онлайн-исследование, которое показало, что в конце апреля среди опрошенных доминировали чувства страха, раздражения, тревоги и печали [Первушина и др., 2020]. Китайские исследователи выявили рост негативных эмоций (тревога, депрессия и негодование) и падение позитивных (счастье и пр.); снизилась и удовлетворенность жизнью среди пользователей социальной сети Weibo [Li et al., 2020]. По мнению Ф. Майленовой, пандемия COVID-19 нанесла урон не только физическому здоровью, но и эмоциональному: усугубилось чувство одиночества, страх; возник дефицит позитивных эмоций; люди столкнулись с длительным нахождением в стрессовой ситуации, усиленной потоком негативной и противоречивой информации – инфодемией [Майленова, 2020]. Подробнее о результатах различных психологических исследований, связанных с последствиями пандемии COVID-19, можно прочесть в обзорной статье О. Первушиной и А. Шабалина «Пандемия COVID-19: обзор первых публикаций» [2020].

Демонстрируется влияние работы медиа в период пандемии COVID-19 на психологическое здоровье аудитории. Среди стрессогенных факторов в период пандемии S. Brooks и др. отмечают неадекватную, противоречивую информацию, недостаточное информирование со стороны официальных органов, отсутствие ясных инструкций, непонимание целей карантинных мероприятий [Brooks et al., 2020]. Востребованным среди исследователей стал термин «инфодемия», который подразумевает распространение дезинформации через социальные сети и другие каналы коммуникации [Zarocostas, 2020. P. 676]. Глава отдела UNICEF по чрезвычайным ситуациям в сфере общественного здравоохранения отмечает, что и традиционные медиа «посылают неправильный сигнал» аудитории, стимулируя панические реакции [Ibid.]. Здесь следует отметить, что и Всемирная Организация Здравоохранения в начале 2020 г. транслировала подобные сигналы, заявляя об отсутствии необходимости носить маски и ограничивать международное авиасообщение (с Китаем). Слишком оптимистичное медийное представление эпидемии может привести к недооценке угрозы и игнорированию необходимых мер предосторожности со стороны населения. В ситуации неопределенности без возможности апелляции к личному опыту столкновения с заболеванием и его последствиями средства массовой информации занимают центральную позицию в формировании образа угрозы, отношения к эпидемии, к использованию средств защиты и пр. Особенно важно это было в первую вол-

ну, когда был дефицит информации о новом заболевании. С течением времени все больше знакомых человека сталкиваются с вирусом и могут давать обратную связь, поэтому во время второй волны эпидемии источники информации для построения картины мира относительно COVID-19 – не только медиа, но и опыт знакомых или самого человека.

Исследования показывают, что обладание достоверной информацией приводит к снижению тревожности, страха и беспокойства [Wang et al., 2020; Mustafa, 2020]. В качестве источника достоверной информации о пандемии люди рассматривают в первую очередь врачей и ученых [McFadden et al., 2020]. Отечественные исследователи отмечают снижение доверия СМИ и властям в условиях эпидемии из-за противоречивости официальной информации, рассогласованности действий властей, подозрений в сокрытии информации, чувства несправедливости и пр. [Макушева, Нестик, 2020]. Недоверие приводит к меньшей готовности следовать рекомендациям властей, соблюдать карантинные ограничения, вакцинироваться [Там же].

Исследование российской медиасферы в период первой и второй волны COVID-19

Было проведено количественное и качественное исследование динамики российской медиасферы в период первой и второй волн эпидемии COVID-19 в стране. Нас интересовало, как согласуется динамика эпидемии с динамикой медиасферы? Есть ли отличия в медийном освещении между федеральными СМИ и региональными? Если есть, то как их можно объяснить? Есть ли отличия в освещении динамики коронавируса в государственных и негосударственных медиа? Как отличается медийное освещение в первую и вторую волну эпидемии COVID-19? Гипотеза состояла в том, что динамика медиасферы связана с динамикой распространения вируса в том или ином локальном контексте. Интерес к новостям и эмоции (страх, тревога) связаны с близостью опасности, с вероятностью заражения. Чем вероятнее угроза заражения, тем отчетливее должна быть реакция на нее. Соответственно предполагалось, что, поскольку в разных регионах реализовывались разные эпидемиологические сценарии, различна и динамика медийного освещения коронавируса в СМИ. Отличия в медийном освещении COVID-19 могут быть объяснены тем, что в одни регионы эпидемия пришла позже, в других – раньше пошла на спад.

В ходе исследования было замечено, что СМИ транслируют своей аудитории двойные послания (double bind). Г. Бейтсон описывает ситуацию double bind как ситуацию, когда один из участников коммуникации транслирует другому («жертве») сообщения, которые являются противоречащими друг другу на разных уровнях коммуникации [Bateson, 1972]. Тот, кто посылает сообщения, является значимым для реципиента; опыт воздействия противоречивых посланий является повторяющимся [Бейтсон, 2000]. При этом «жертва» не может выйти из этой коммуникации или прибегнуть к метакоммуникации (задать вопрос, уточнить что-то и пр.); «жертва» не понимает, на какой из сигналов (уровней коммуникации) ей реагировать [Там же]. Такие сообщения, по мнению Г. Бейтсона, приводят к шизофрении и проявлению шизофренических симптомов [Там же].

При этом Бейтсон в основном рассматривал детско-родительские отношения (в том числе в мире животных).

В данной статье используются идеи Бейтсона применительно к воздействию СМИ на аудиторию в ситуации эпидемии COVID-19, сопровождающейся введением чрезвычайных ограничений. Такой смелый переход требует некоторых разъяснений. Человек не имеет непосредственной возможности узнать о вирусе, заболевании, опасности заражения, угрозе жизни и адекватности мер, которые вводят власти. При этом подавляющее большинство людей не являются компетентными в вопросах медицины, вирусологии и эпидемиологии. Соответственно, в первую волну эпидемии основной источник информации – медиа. Особую роль играют государственные медиа, которые направлены на трансляцию сообщения от того же источника, который вводит различные карантинные меры (власть). Меры и интерпретация этих мер в государственных медиа теоретически не должны быть противоречивыми, однако, как будет показано далее, это не всегда так, что может приводить к проявлению шизофренических симптомов и негативно воздействовать на психологическое состояние аудитории. Кроме того, эпидемия коронавируса продолжается долго (больше года). При этом человек не может просто жить так, как будто никакой пандемии нет, ведь он вынужден носить маску, не может посетить какие-то мероприятия или страны и пр. За несоблюдение ограничений следует штраф или отказ в предоставлении услуги (без маски нельзя сходить в магазин или проехать в метро). Наконец, нет обратной связи между человеком и властью / государственными медиа: нет прямой возможности поговорить с чиновниками, что-то уточнить или узнать у экспертов. В интерпретации результатов исследования применена оптика концепции *double bind* Г. Бейтсона применительно к работе российских медиа в период первой и второй волны COVID-19 в России. Отметим, что можем рассматривать послания от государства на трех уровнях: 1) вводимые властью ограничения; 2) интерпретация текущей ситуации государственными медиа; 3) оценка оперативным штабом по коронавирусу количества новых выявленных заражений (медийное представление угрозы, вероятности заражения). Противоречия между этими уровнями и приводят к ситуациям двойных посланий.

В качестве эмпирической базы исследования выступил новостной контент трех популярных информационных ресурсов Новосибирска: «НГС» (ngs.ru), «Тайга» (tayga.info), «Вести Новосибирск». «НГС» и «Тайга» – независимые ресурсы; «Вести Новосибирск» – государственное СМИ. Кроме того, анализировался московский канал «Москва 24» (Москва), транслирующий государственный дискурс. Наконец, в выборку попал федеральный государственный ресурс «Вести». Рассматривались сообщения с 22 января 2020 г. (в этот день почти на всех информационных сайтах появились первые сообщения о возможности прихода опасного вируса из Китая) до 3 февраля 2021 г. Собрана информация о динамике количества новостей за день для каждого из этих ресурсов. Изучался дискурс заголовков и популярных новостей на этих ресурсах. Особое внимание было уделено сообщениям, которые приводили к возникновению *double bind*. Для новосибирского ngs.ru собраны данные о динамике количества просмотров за сутки и количества комментариев за сутки, а также проанализировано содер-

жание статей и комментариев. Полагаем, что можно интерпретировать число просмотров как показатель пользовательского интереса, а комментарии как эмоциональный отклик. Кроме того, использовалась информация региональных оперштабов о динамике числа новых заражений в мире, России, Москве и Новосибирске¹.

Информация оперштабов (России, Москвы и Новосибирска) о количестве новых зараженных за сутки – своего рода новое медиа, которое было особенно востребовано пользователями и СМИ в первую волну эпидемии коронавируса. Верхние строчки новостных интернет-ресурсов и газет, отдельные вкладки на сайтах, первые сюжеты новостных выпусков по радио и телевидению сообщали аудитории об этом количественном показателе развития эпидемии. Предполагается, что эта информация воспринималась как индикатор угрозы (соответственно, рост заражений гипотетически означает большую востребованность темы в СМИ, интерес и эмоциональный отклик аудитории)². Соотнесение динамики этого показателя с динамикой медийных характеристик (публикационная активность СМИ, интерес и эмоциональный отклик пользователей) может показать отклик СМИ и аудитории на ситуацию неопределенности и на вводимые карантинные ограничения; связан ли этот отклик с вероятностью заражения.

Выбор медийных ресурсов связан с их востребованностью среди пользователей и высокой цитируемостью, а также наличием архива для поиска новостей по теме. Сценарии эпидемии в Москве и Новосибирске отличаются. Москва – регион с самым ранним и сильным распространением эпидемии в первую волну; с мая по август эпидемиологическая ситуация улучшалась; в Новосибирск эпидемия (первая волна) пришла позднее, и с начала мая до начала августа эпидемиологическая ситуация ухудшалась. Вторая волна эпидемии пришла синхронно практически во все регионы России. Изучение новосибирских медиа не только обусловлено удобством для исследователя, но и дает информацию о том, насколько региональные медиа ориентируются на локальную эпидемиологическую повестку. Различные сценарии эпидемии отражены на рис. 1.

Динамика российской медиасферы как двойное послание

Рассмотрим динамику публикационной активности российских медиа в соотношении с динамикой эпидемии (рис. 1, 2). Обратим внимание на то, что все изучаемые медиа (и новосибирские, и «Москва 24», и «Вести») вне зависимости от регионального контекста эпидемии или формы собственности / доминирующего дискурса имеют схожую форму графика динамики публикационной активности по теме COVID-19.

¹ Коронавирус: статистика. Развитие событий. URL: https://yandex.ru/covid19/stat?utm_source=main_notif&geoId=225 (дата обращения 10.02.2021).

² Нет оснований считать, что эта информация означает реальное количество заболевших за сутки. Так, 8 февраля вирусолог С. Нетесов заявил о том, что в России, вероятно, уже переболело 25–30 %, хотя из данных оперштабов следует, что переболело 2,73 % (4 млн человек). URL: <https://ngs.ru/text/health/2021/02/08/69754463/> (дата обращения 10.02.2021).

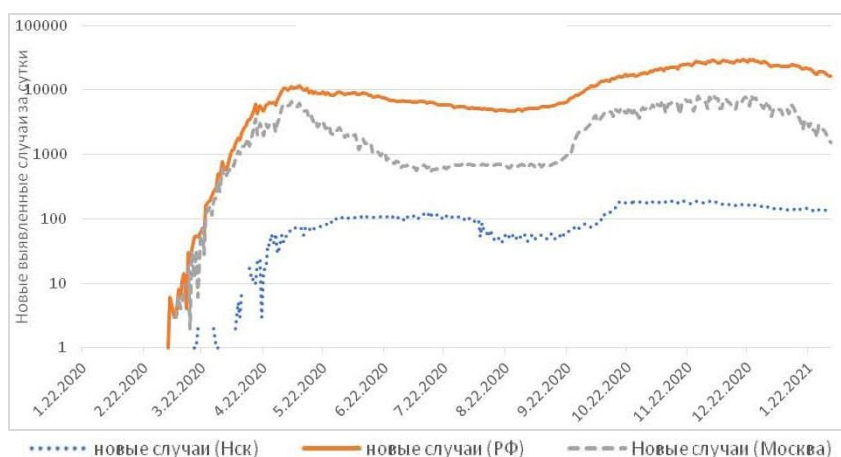

Рис. 1. Динамика эпидемии COVID-19 в РФ, Москве и Новосибирской области.

Для вертикальной оси (новые выявленные за сутки случаи заболеваний) используется логарифмическая (10) шкала

Fig. 1. Dynamics of COVID-19 epidemic in Russia, Moscow and Novosibirsk Region.

A logarithmic scale (10) is used for the vertical axis
(new cases of disease per day)

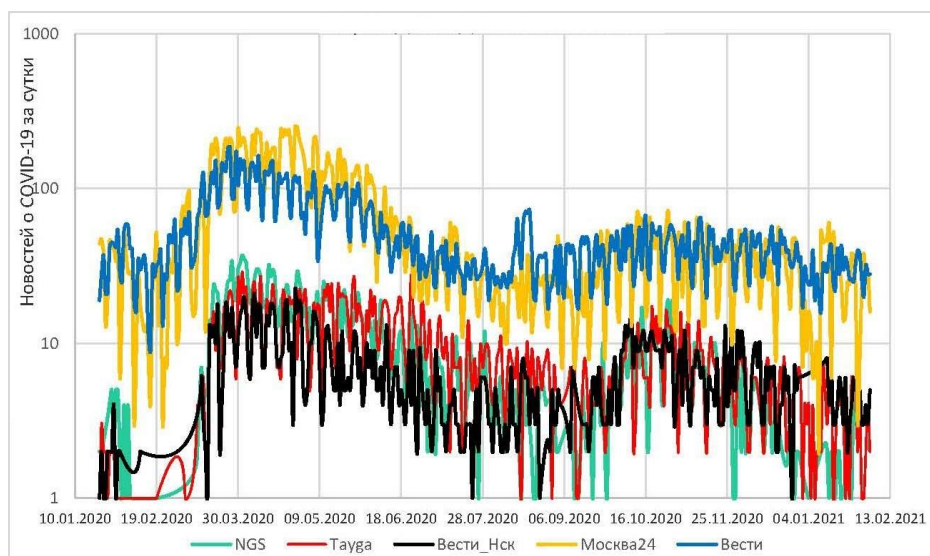

Рис. 2. Динамика публикационной активности российских медиа в период эпидемии COVID-19.

Для вертикальной оси (число новостей о COVID-19 за сутки)

используется логарифмическая (10) шкала

Fig. 2. Dynamics of publication activity in Russian media during the COVID-19 epidemic.

A logarithmic scale (10) is used for the vertical axis
(number of news about COVID-19 per day)

Отметим, что первая волна коронавируса в России и регионах заметно ниже второй в эпидемиологическом смысле; в то же время первая волна в плане публикационной активности оказывается существенно выше второй. Отчасти это можно объяснить уменьшением неопределенности ситуации, привыканием к ней, большей осведомленностью о необходимых действиях в случае заражения, наличием актуальных политических событий, требующих внимания журналистов и пр. Не менее важно и то, что во вторую волну COVID-19 в России не было столь сильных ограничительных мер (это заметно по высокому вниманию СМИ к теме COVID-19 в марте, апреле и октябре). Исходя из рис. 2 следует гипотеза о том, что всплески активности медиа в период эпидемии связаны преимущественно с введением карантинных мероприятий, самоизоляции, режима пропусков, масочного режима, дистанционной учебы и пр. Первоначальный всплеск активности медиа можно объяснить реакцией на неопределенную ситуацию.

Интересна ситуация с начала мая до начала августа в Новосибирской области. В это время здесь наблюдается ухудшение эпидемиологической обстановки. Одновременно происходит постепенное снятие карантинных ограничений. Уменьшается активность всех трех новосибирских медиа (и государственного, и независимых). Нельзя сказать, что дискурсивная направленность СМИ влияет на его публикационную активность относительно коронавируса (в количественном отношении). Возникает ситуация double bind: риск заболеть больше, но значения мы этому придаем меньше и будем снимать ограничения. Отметим, что независимые медиа не представляют власть и не отвечают за послания на уровне принимаемых властями мер, поэтому в их публикациях есть только оценка угрозы и интерпретация ситуации. Государственные же, представляя позицию власти, ассоциированы с источником вводимых ограничений (иными словами, государство дает три сообщения: вводит ограничения, ежедневно информирует об уровне угрозы, интерпретирует ситуацию).

Ситуация до мая в Новосибирске похожа на double bind: риск заболеть минимален, но говорить об эпидемии нужно много, и все жесткие меры оправданны и необходимы. Double bind можно усмотреть и во второй волне по стране в целом: вероятность заразиться и смертность высоки, но не стоит уделять этому прежнего повышенного внимания и вводить строгие ограничения. Далее для уточнения наших выводов рассмотрим таблицы корреляций Спирмена между публикационной активностью российских медиа и новыми случаями заражения коронавирусом за весь период эпидемии (22 января 2020 – 3 февраля 2021 г., табл. 1), в первую волну (22 января – 25 августа 2020 г., табл. 2) и во вторую волну (26 августа 2020 – 3 февраля 2021 г.).

Рассматривая весь период эпидемии, мы не обнаруживаем большого количества статистически значимых связей. Обращает на себя внимание слабая или умеренная связь активности новосибирских ресурсов (особенно «Вести Новосибирск») с московской эпидемиологической повесткой.

В первую волну эпидемии заметны связи новосибирских ресурсов с московской эпидемиологической повесткой («NGS» – 0,637; «Тайга» – 0,690; «Вести Новосибирск» – 0,638). Чуть слабее связи с российской обстановкой («NGS» –

0,492; «Тайга» – 0,616; «Вести Новосибирск» – 0,475). «Москва 24» имеет наиболее заметную связь с московской эпидемиологической ситуацией (0,483); «Вести» – умеренную связь со столичной повесткой (0,389).

Таблица 1

Корреляции между публикационной активностью российских медиа
и новыми случаями заражения коронавирусом
в Новосибирской области, Москве, России и мире ($p < 0,01$)
(22.01.2020 – 03.02.2021)

Table 1

Correlations between publication activity in Russian media
and new cases of coronavirus infection
in Novosibirsk region, Moscow, Russia and the world ($p < 0,01$)
(22.01.2020 – 03.02.2021)

СМИ	Новые случаи заражения			
	в Новосибирской области	в Москве	в России	в мире
NGS	–0,017	0,178	0,024	–0,178
Tayga.info	0,079	0,221	0,108	–0,071
Вести Новосибирск	0,194	0,407	0,273	0,101
Москва 24	–0,165	0,103	–0,036	–0,303
Вести	–0,248	0,066	–0,106	–0,335

Разделим первую волну на 2 периода: до пика и после. 11 мая – пик первой волны эпидемии в России (11 656 случаев); 25 августа – наименьшее количество (4 696) новых выявленных случаев после пика первой волны эпидемии (будем считать концом первой волны). До 11 мая заметны связи активности Новосибирских медиа с локальной повесткой (от 0,558 у «NGS» до 0,605 у «Тайги»). До пика первой волны наблюдается сильная ориентация новосибирских медиа на мировую, российскую и московскую эпидемиологическую ситуацию. Это можно интерпретировать как интерес, вызванный ожиданием того, что в Новосибирск эпидемия придет позже. Соответственно, важно понимать, как она происходит в мире и столице. «Москва 24» сильно связана с московской (0,783), российской (0,784) и мировой (0,744) эпидемиологической ситуацией. Заметны связи «Вестей» с мировой (0,684), российской (0,694) и столичной (0,689) обстановкой. Интерес к мировым событиям объясним: нужно следить за сценарием происходящих событий.

После 11 мая картина сильно меняется. Новосибирские медиа не ориентируются на локальную эпидемиологическую ситуацию. Заметны и сильны их связи с московской (от 0,599 у «Вести Новосибирск» до 0,687 у «NGS») и российской (от 0,488 у «Вести Новосибирск» до 0,777 у «NGS») ситуацией с COVID-19.

Таблица 2

Корреляции между публикационной активностью российских медиа в первую волну COVID-19 и новыми случаями заражения коронавирусом в Новосибирской области, Москве, России и мире ($p < 0,01$)

Table 2

Correlations between publication activity in Russian media during the first wave of COVID-19 epidemic and new cases of coronavirus infection in Novosibirsk region, Moscow, Russia and the world ($p < 0.01$)

СМИ	Новые случаи заражения							
	в Новосибирской области		в Москве		в России		в мире	
	до 11 мая	11 мая – 25 августа	до 11 мая	11 мая – 25 августа	до 11 мая	11 мая – 25 августа	до 11 мая	11 мая – 25 августа
NGS	0,179		0,637		0,492		0,136	
	0,558	–0,001	<u>0,758</u>	0,687	<u>0,761</u>	<u>0,777</u>	0,773	<u>–0,721</u>
Тайга.info	0,352		0,690		0,616		0,325	
	0,605	–0,082	<u>0,809</u>	0,619	<u>0,811</u>	0,645	<u>0,795</u>	–0,614
Вести Новосибирск	0,202		0,638		0,475		0,211	
	0,592	–0,181	<u>0,770</u>	0,599	<u>0,771</u>	0,488	<u>0,762</u>	–0,583
Москва 24	–0,074		0,483		0,306		–0,171	
	0,622	0,00	<u>0,783</u>	0,647	<u>0,784</u>	<u>0,786</u>	<u>0,744</u>	<u>–0,753</u>
Вести	–0,225		0,389		0,175		–0,217	
	0,435	–0,309	0,689	<u>0,708</u>	0,694	0,628	0,684	–0,651

Таблица 3

Корреляции между публикационной активностью российских медиа во вторую волну COVID-19 и новыми случаями заражения коронавирусом в Новосибирской области, Москве, России и мире ($p < 0,01$)

Table 3

Correlations between publication activity in Russian media during the second wave of COVID-19 and new cases of coronavirus infection in Novosibirsk region, Moscow, Russia and the world ($p < 0.01$)

СМИ	Новые случаи заражения							
	в Новосибирской области		в Москве		в России		в мире	
	26 авг. – 24 дек.	после 24 дек.	26 авг. – 24 дек.	после 24 дек.	26 авг. – 24 дек.	после 24 дек.	26 авг. – 24 дек.	после 24 дек.
NGS	0,327		0,124		–0,164		–0,124	
	0,427	–0,029	0,140	0,080	0,087	0,086	0,221	–0,088
Тайга.info	0,265		0,114		–0,089		–0,110	
	0,292	0,006	0,092	0,082	0,075	0,086	0,156	–0,177
Вести Новосибирск	0,352		0,209		0,031		–0,067	
	0,424	–0,100	0,230	–0,101	0,230	–0,070	0,246	–0,565
Москва 24	0,224		0,155		0,069		0,102	
	0,278	–0,006	0,148	0,081	0,184	0,096	0,262	–0,035
Вести	0,259		0,194		0,068		–0,061	
	0,258	0,183	0,194	0,226	0,224	0,205	0,205	–0,327

В условиях роста эпидемии в регионе медиа уделяли все меньшее внимание теме COVID-19, производя тем самым двойные послания³. «Москва 24» сильно (0,786) связана с российской и заметно (0,647) с локальной эпидемиологической ситуацией. «Вести» сильно связаны с московской (0,708) повесткой и заметно (0,628) с российской. Кроме того, для всех рассматриваемых медиа характерны заметные или сильные отрицательные связи с мировой повесткой (в мире пандемия нарастала, но это более не рассматривается как сценарий будущих событий и не вызывает былого интереса).

Для второй волны найдено мало значимых связей между динамикой публикационной активности российских медиа и динамикой эпидемиологической ситуации (табл. 3). 24 декабря – пик второй волны (29 935 случаев). С 26 августа по 24 декабря присутствуют умеренные или слабые связи публикационной активности новосибирских медиа с локальной эпидемиологической обстановкой (от 0,292 у «Тайги» до 0,427 у «NGS»). Таким образом, не возникало столь серьезного противоречия между нарастающим уровнем угрозы и медийным освещением в этот период (в отличие от периода между 11 мая и 25 августа). С другой стороны, «Москва 24» и «Вести» не стали следовать динамике эпидемии в Москве и России, как это происходило в первую волну. Впрочем, и вводимые во вторую волну ограничения не были столь радикальными.

Дискурс и содержание новостей как double bind

Хотя траектории динамики публикационной активности государственных и негосударственных медиа имеют схожий характер (см. рис. 2), нельзя сказать, что содержание новостей идентично в дискурсивном отношении. Основное содержание новостей о COVID-19 носит информирующий характер и в государственных, и в независимых медиа. Отличие заключается в том, что негосударственные СМИ критикуют действия властей, непоследовательные меры («Карантин без справедливости и обязательства Кремля»), акцентируют внимание на негативной информации, рассказывают об условиях работы и опыте пребывания в ковидных госпиталях («Как власти экономят на мертвых врачах во время пандемии», «Много тел: погибших от коронавируса в Барнауле будут хранить в холодильнике»), высказывают обоснованные сомнения в занижении статистики заражаемости и смертности властями («Власти регионов Сибири в разы занизили смертность от коронавируса»). Сообщая детали историй болезни и смерти, СМИ способствуют росту тревожности, страхов и паники, хотя и само продолжительное нахождение в ситуации неопределенности, угрозы заражения и самоизоляции этому способствует. Независимые медиа признают опасность, сообщают о росте заражаемости (в первую волну) и о важности соблюдения всех вводимых ограничений для контроля над эпидемией. N. Chater характеризует такую медиастратегию как «сдерживание потока», которая подразумевает, что можно контролировать скорость распространения эпидемии, тем самым снижая

³ Нельзя игнорировать и воздействие неэпидемических факторов, повлиявших на снижение публикационной активности (экономические проблемы, дачный период, период отпусков; журналистам может быть сложно искать новый материал по теме; отмена ограничений стимулирует аудиторию меньше времени проводить в Сети и пр.).

нагрузку на систему здравоохранения и давая время на разработку и производство вакцины [Chater, 2020]. Во вторую волну эпидемии критический градус снижается (как и активность медиа).

Государственные СМИ транслируют успокаивающий дискурс. Это медиа-стратегия «бури в стакане воды» в классификации N. Chater, подразумевающая обесценивание серьезности происходящего; отсутствие необходимости изменять привычный ход жизни ради борьбы с эпидемией [Ibid.] ⁴. Такая стратегия снижает потенциальные панические, тревожные и депрессивные реакции. Рассмотренные государственные медиа во время первой волны транслировали оптимистический прогноз по поводу быстрого и успешного выхода из критической ситуации. 8 июня Президент России В. Путин заявил, что «Россия выдержала испытание коронавирусом»; 14 июня – что Россия выходит из пандемии коронавируса «уверенно и с минимальными потерями». Главный спикер оперативного штаба А. Мясников заявлял о переоценке угрозы COVID-19 (бывают и вирулентнее, и летальнее); о невозможности с ним бороться («Коронавирус возьмет свое. Все переболеет. Кому положено умереть – умрут»); критиковал вводимые карантинные ограничения («люди боятся не коронавируса, а принимаемых мер»; «страх может спровоцировать заражение COVID-19»; «дома и правда в трансвеститы потянет»). Известный «теледоктор» Е. Малышева заявляла о том, что коронавирус по своей опасности сопоставим с сезонным гриппом («риск умереть, если вам меньше 65 лет, – от шести до 249 на миллион, то есть меньше, чем риск умереть от удара молнии»). Популярная ведущая «Первого канала» Е. Андреева считает, что COVID-19 не столь опасен («А я хочу подумать о тех закошмаренных людях, которым внушают страшную опасность от этого вируса. А данные статистики говорят о том, что смертность очень низкая»), Государственные медиа в новостях обосновывают аудитории правильность введенных ограничительных мер; борьба России с коронавирусом в первую волну преподносится как успешная, а система здравоохранения – как эффективная, особенно в сравнении с Италией, Испанией и США. Во время второй волны, когда повысились заражаемость и летальность, а также публиковались данные Росстата о смертности в России (в том числе избыточной), такие сравнения исчезают. В первую волну происходит героизация врачей, «которые оказались на фронте».

В первую волну эпидемии власть транслирует двойное послание аудитории: вводим важные ограничения, и нельзя их нарушать, но переживать из-за COVID-19 не стоит. Во вторую волну государственные медиа сообщают о росте угрозы, но одновременно и об отсутствии повода для беспокойства и введения былых ограничений, что выглядит как double bind.

Теперь рассмотрим ситуации двойных посланий относительно важных элементов эпидемии ⁵: необходимость карантинных мер, масочный режим, перчаточный режим, удаленная работа и учеба, необходимость экономической под-

⁴ До 11 мая в государственных СМИ присутствует и «буря в стакане воды» (не стоит беспокоиться), и «сдерживание потока» (все меры важны, и нужно их соблюдать). Далее «буря» начинает преобладать.

⁵ Некоторые очаги дискурсивной борьбы были выделены в ходе исследования динамики и содержания комментариев на сайте NGS: https://fp.nsu.ru/nauchnaya-deyatelnost/covid19/covid_ngs.php

держки населения, вечеринки и массовые мероприятия, способы лечения, отношение к вакцинации.

Хотя в первую волну эпидемии и в государственных, и в независимых медиа доминировало скорее одобрительное отношение к вводимым ограничениям, отдельные эксперты и журналисты государственных медиа транслировали критическую оценку карантинных мер, тем самым провоцируя двойное послание: меры наносят вред и/или бесполезны, но соблюдать их необходимо. Так, специалист по инфекционным болезням профессор В. Никифиров на канале «Россия 1» заявил, что «жесткие меры карантина из-за коронавируса могут быть опасны», «В жестком карантине мы можем наскочить на ситуацию, когда лекарство станет ядовитее, чем сама болезнь». Израильский врач Л. Эйдельман 5 апреля сообщил, что «длительная изоляция может быть вредна для здоровья», поскольку без физической активности могут обостриться хронические заболевания. Бывший главный санитарный врач РФ академик РАН Г. Онищенко считает, что ограничительные меры весной нанесли вред и экономике, и здоровью, поэтому вводить их еще раз недопустимо («Возвращаться к весенним ограничениям – демонстрировать свою безграмотность»). По его мнению, нахождение в состоянии хронического стресса и гиподинамии увеличило количество смертей в этот период. Доктор А. Мясников полагает, что в карантинных мерах смысла нет («Вот интересно, снизит это уровень инфицирования хоть на 0,00001 %? Или это все просто ритуалы, призванные отпугнуть коронавирус, такие же по эффективности, как бубен шамана, призывающего дождь?»).

С апреля 2020 г. в России введен масочный режим в общественных местах. Эта мера сопровождалась противоречивыми заявлениями государственных медиа и официальных лиц. Генеральный директор ВОЗ Тедрос Гебрейесус 6 апреля сообщил, что медицинские маски во время пандемии нужны только врачам и людям с признаками простуды («Для населения мы рекомендуем использование медицинских масок зараженными и теми, кто за ними ухаживает на дому»). Впрочем, позднее позиция ВОЗ изменилась. Тем не менее, для многих заявления таких авторитетных лиц сделали ношение маски сомнительной и необоснованной мерой. Инфекционист, бывшая завкафедрой инфекционных болезней НГМУ Н. Толоконская поведала о том, что маски во время эпидемии не нужны и вредны (их ношение – риск для здоровья и иммунитета при отсутствии гарантии защиты от вируса). Телеведущая Е. Андреева считает, что ношение масок – опасный обман населения («Не люблю, когда так примитивно дураят народ. И я тоже сижу в партере без маски»; постоянное ношение маски может привести к «эмфиземе легких, от недостатка кислорода, а это похуже ковида»). 2 февраля 2021 г. А. Мясников усомнился в необходимости и эффективности масочного режима («Есть приказ – мы носим. Но что будет, если все снимут маски? Ничего особенного не будет. Тем более мы носим маски неправильно: на подбородке, в кармане, смятую, все время поправляем. Ты либо трусы надень, либо крест сними»).

Еще большую критику вызвала другая рекомендация / мера – ношение перчаток. Академик РАН вирусолог В. Зверев полагает, что ношение перчаток бессмысленно и вредно («Мы собираем на них все, что можно, – и грибки, и бакте-

рии, и аллергены, и тащим это все домой, и точно так же – тащим к лицу... Это бессмысленная мера. И, естественно, любые перчатки портят кожу, а это наш защитный механизм, часть врожденного иммунного ответа»). Кроме того, регулярное ношение перчаток, по его словам, может вызвать дерматит. Со Зверевым согласен и главный внештатный инфекционист Минздрава В. Чуланов («ношение перчаток – избыточная мера», создающая новые риски).

Вынужденная ситуация удаленной работы и учебы вызвала ряд критических заявлений государственных медиа и официальных лиц. Люди вынуждены находиться в этих условиях, но зачем нужно пугать возможными негативными последствиями продолжительной «удаленки»? Не стоило ли скорее акцентировать внимание на важности освоения информационных технологий и платформ, самообразования, повышения личной ответственности за результат работы / учебы? Вместо этого double bind: «удаленка» вредна, но надо ее продолжать. Кроме того, происходит стигматизация дистанционной учебы как априори худшей, второсортной. Министр науки и высшего образования РФ В. Фальков заявил, что качество удаленного обучения хуже очного. Научный руководитель Лаборатории нейронаук и поведения человека «Сбербанка» А. Курпатов отметил, что 82 % детей имели разные психологические расстройства (депрессию, апатические реакции, повышенную тревожность) во время дистанционного обучения. Не вполне ясно, вызвала ли эти состояния именно дистанционная учеба. «Взгляд» выпустил материал о вреде дистанционной работы для здоровья: сгорбленность, двойной подбородок, ожирение, нагрузка для глаз, боли в шее, проблемы с ростом волос.

Необходимость самоизоляции для некоторых категорий россиян вызвала экономические проблемы. В первую волну эпидемии, когда ограничения были особенно сильны, кто-то оказался без работы и средств к существованию. Во многих развитых странах государство оказывало экономическую помощь населению и бизнесу в этот трудный период. В России же в первую волну для части населения возникает double bind: работать нельзя (возможны даже штрафы), при этом негде взять деньги на проживание. Мэр Москвы С. Собянин заявил, что раздавать деньги на руки гражданам неправильно: «Бюджеты треснут, они не смогут даже обеспечивать систему здравоохранения». Глава ЦБ Э. Набиуллина и глава «Сбербанка» Г. Греф объясняют, что «вертолетные деньги» нельзя раздавать по экономическим соображениям.

Весь период медийной коммуникации по поводу пандемии COVID-19 сопровождается спорами о методах лечения, необходимости обращаться к врачу, сдавать тесты и т. д. Во вторую волну медиа транслируют двойное послание: заниматься самолечением нельзя и опасно, но не нужно быть мнительными и уделять слишком серьезное внимание вирусу. Так, А. Мясников заявил: «Не надо искать в любом симптоме именно коронавирус. Даже если коронавирус, ну и что? Ну конечно, надо пойти, сдать анализ, чтобы не заразить других. Но вы же понимаете, что это иллюзия». Очереди на анализы и томографию интерпретируются как вызванные отчасти поведением слишком мнительных граждан, которые нагружают и разоряют систему здравоохранения. В то же время С. Собянин сообщил, что важно как можно раньше обращаться к врачу: «95% из тех,

кто умер в московских стационарах, до госпитализации занимались самолечением».

Противоречивыми оказываются и послания в отношении массовых мероприятий, особенно во вторую волну эпидемии. Мероприятия запрещены, вероятность заражения высока, ограничения нужны и важны, но некоторые мероприятия проводятся. Дискредитируется идея необходимости соблюдения ограничений. Проводятся Московский марафон, Лыжня России, зрителей пускают на футбольные матчи, в кино и театры. Проводится скандальный концерт рэпера Басты, звёзды шоу-бизнеса участвуют в вечеринке по поводу вручения премии журнала GQ и пр. Одновременно власти штрафуют за организацию вечеринок в кафе и запрещают работу общепита в новогодние праздники; январские митинги приводят к «Санитарным делам».

Наконец, двойные послания характерны и в отношении вакцинации. Основной посыл: «Спутник V» – первая и лучшая в мире вакцина (достижение, близкое к запуску первого искусственного спутника Земли в 1957 г.). Тем не менее, это не сопровождается публичной вакцинацией высшего руководства страны (можем вспомнить кадры с вакцинацией С. Шойгу и В. Жириновского). Президент РФ же сначала сообщил, что не пришла его очередь; потом что не хочет делать из вакцинации шоу и, возможно, привьется осенью 2021 г. В это же время президенты США (Байден, Буш, Клинтон, Обама) и Израиля, королева Великобритании и др. публично прививались. По мнению главы ВОЗ Т. Гебрейесуса, этот шаг важен, так как авторитет лидеров стран может повлиять на готовность вакцинироваться. Из истории вакцинологии мы знаем, что Екатерина II подала пример населению, первой привившись от оспы. Другой момент: вакцина была объявлена лучшей и вышла в гражданский оборот до окончания третьей фазы клинических испытаний. Впоследствии авторитетный журнал «Lancet» публикует результаты высокой эффективности «Спутника V». Тем не менее, коммуникативная рассогласованность вызывает недоверие и неоднозначное отношение к перспективе вакцинации. «Bloomberg» характеризует российскую вакцину как «успешную разработку и маркетинговое фиаско».

Проявления шизофренических симптомов double bind

Г. Бейтсон выделяет три типа шизофренических реакций на продолжительное нахождение в ситуациях double bind: параноидный, гебефренический и кататонический [Бейтсон, 2000]⁶. Параноидный тип подразумевает, что «жертва» будет искать за высказываниями скрытый смысл; проявляется подозрительность, недоверие [Там же]. В конечном счете это приводит к построению теории заговора и вере в нее. Пандемия COVID-19 стала плодотворной почвой для сочинения различных версий происхождения вируса, целей мирового правительства, ассоциирования вакцинирования с чипированием населения и т. п. Впрочем,

⁶ Мы не можем сказать, что то или иное внешнее проявление, которое здесь используется в качестве примера, – исключительно результат воздействия двойных посланий со стороны медиа. Экономические проблемы, длительное пребывание в самоизоляции, ограничение каких-то практик, дистанционный формат работы / учебы, невозможность туризма и определенных форм досуга – всё это могло повлиять.

прогосударственные спикеры провоцируют распространение этих идей. Знаменитый режиссер Н. Михалков в своей программе «Бесогон» рассказывает, что тесты на коронавирус и вакцинация – это заговор фармацевтических компаний, врачей и Билла Гейтса с целью чипирования населения и контроля его численности. Впрочем, эта программа в итоге была снята с федерального эфира, но вышла на YouTube. Схожий сюжет вышел на «Первом канале» в программе «Человек и закон». Другой пример распространения теории заговора – «Письмо бельгийских врачей», на которое предлагали обратить внимание известные телеведущие В. Соловьев, А. Шафран и А. Мясников, телеканал «Царьград» и пр. В этом послании авторы (анонимы) призывают прекратить все карантинные ограничения; остановить распространение дезинформации о якобы опасном вирусе; риски подвергнуть критическому осмыслению; признать все меры антидемократичными, а ношение масок и самоизоляцию – более вредными и опасными, чем сам вирус. Еще одной популярной теорией стала концепция социального эксперимента, целью которого является понимание того, насколько управляемы люди и как на это влияют вводимые «мировым закулисем» ограничения. В «антикоронавирусных шествиях» в европейских странах участвует большое число приверженцев этих конспирологических теорий.

Гебефренический тип реакции на нахождение в double bind подразумевает отказ от попыток различать уровни коммуникации; все сообщения при этом рассматриваются как несущественные и достойные осмеяния [Бейтсон, 2000]. Вероятно, создание специфического «языка» – именно это проявление: «барановирус», «ковидобесие», «макароновирус», «ковидло», «масочник», «намордник», «маскобесие» и пр. Использование этих терминов означает обесценивание угрозы авторами, нежелание воспринимать всерьез получаемую информацию. Другие возможные проявления – фотосессии в масках, специфические мемы, высмеивание запаасающихся крупами и туалетной бумагой, различные проявления чрезвычайно осторожных людей.

Кататонический тип реакции означает игнорирование сообщений [Там же]. Как можно интерпретировать нежелание носить маску в общественном месте и игнорирование всего, что связано с темой COVID-19? Это может быть связано не только с реакцией на карантинные ограничения, но и с реальным падением интереса к теме коронавируса. Рисунки 3 и 4 показывают динамику интереса и эмоционального отклика пользователей популярного новосибирского новостного сайта «NGS» во время эпидемии COVID-19. Показано падение количества просмотров и комментариев с 31 марта и до конца первой волны. Вторая волна оказывается существенно ниже первой (имеется лишь небольшой всплеск в октябре-ноябре, вызванный реакцией на введение ограничений). В летний период заметен низкий уровень интереса и эмоционального отклика, хотя в июне-июле заболеваемость росла. После Нового года тема эпидемии оставалась примерно на летнем уровне (по количеству просмотров и комментариев).

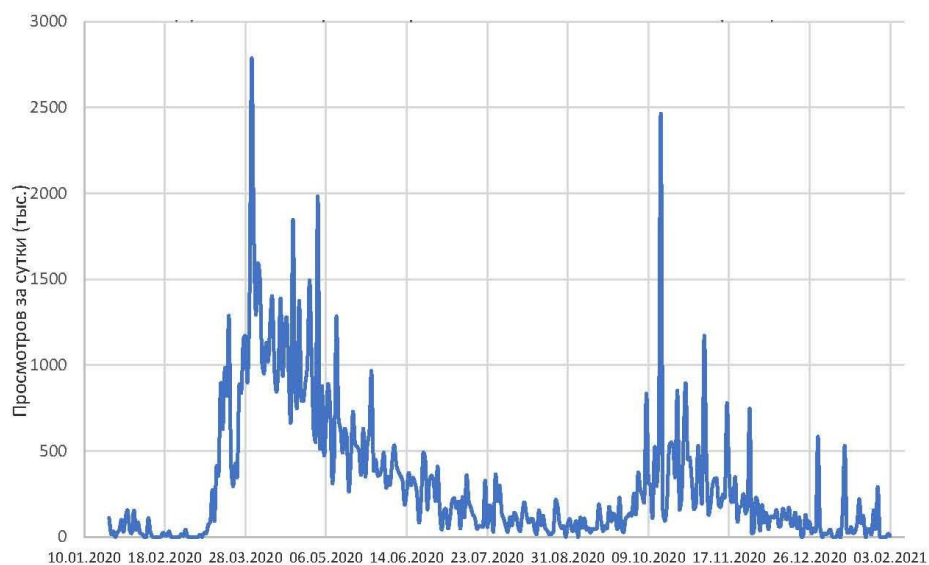

Рис. 3. Динамика просмотров новостей о COVID-19 на сайте ngs.ru

Fig. 3. Dynamics of news views about COVID-19 on the website ngs.ru

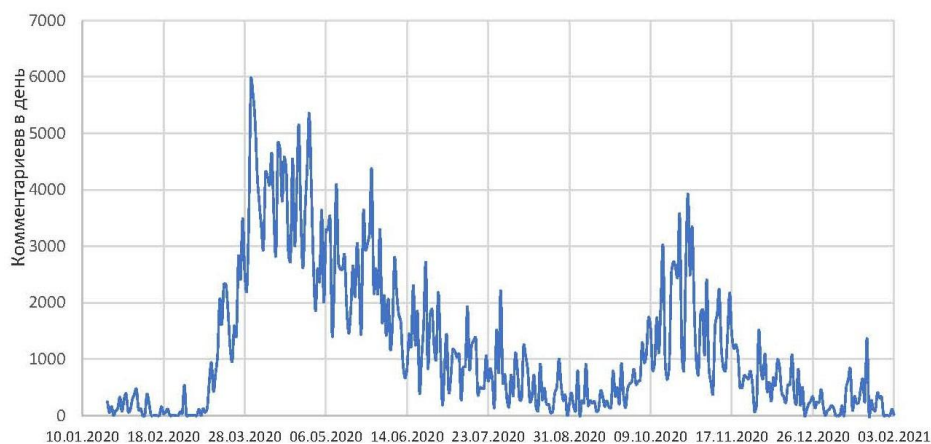

Рис. 4. Динамика комментирования новостей о коронавирусе на сайте ngs.ru

Fig. 4. Dynamics of commenting on news about COVID-19 on the website ngs.ru

Можно ли избежать double bind?

Исходя из полученных результатов, можно констатировать как минимум две проблемы, которые можно было бы решить, чтобы избежать возникновения ситуаций двойных посланий и последующих негативных психологических послед-

ствий. Во-первых, в регионах, куда эпидемия пришла позже Москвы (Новосибирская обл.), местные медиа могут ориентироваться не на столичную или федеральную эпидемиологическую ситуацию, а учитывать локальный контекст. Во-вторых, должна быть согласованность между вводимыми мерами, эпидемиологической ситуацией и стратегией освещения темы COVID-19 в СМИ (если серьезные ограничения нужны, нелогично убеждать аудиторию, что «вирус не страшнее гриппа»). Здесь возникает проблема свободы слова: можно ли ограничивать спикеров в высказывании своей точки зрения в ситуации пандемии, если она противоречит вводимым ограничениям? Что важнее: свобода или безопасность? Не приведет ли ограничение свободы слова к еще более серьезным последствиям? Любое ограничение свободы слова вызывает неоднозначную реакцию: может ли руководство Twitter и Facebook давать возможность высказываться президенту Д. Трампу, если, с их точки зрения, это может вести к насилию? Нет однозначных ответов на эти вопросы.

Впрочем, в российских государственных медиа существуют ограничения в высказываниях по некоторым темам (деятельность несистемной оппозиции, коррупция и пр.). В условиях пандемии был принят закон, направленный на борьбу с распространением фейков о коронавирусе. На практике же он в основном оказался направлен на борьбу с распространением информации, критикующей действия властей в период эпидемии COVID-19 [Архипова и др., 2020].

Наконец, сама концепция Г. Бейтсона содержит в себе решение: чтобы преодолеть ситуацию *double bind*, нужна метакоммуникация, т. е. наличие обратной связи (возможность задать вопросы, уточнить). Нужен диалог между аудиторией и государством / экспертами / врачами / переболевшими. Эта метакоммуникация могла бы не только положительно повлиять на психологическое состояние аудитории, но и привести к большему пониманию адекватности ограничений и их соблюдению. Однако более востребованным (не только в России) оказывается бихевиористский подход, подразумевающий штрафы за нарушение карантинных мер.

Список литературы

Архипова А., Радченко Д., Козлова И., Пейгин Б., Гаврилова М., Петров Н. Пути российской инфодемии: от WhatsApp до Следственного комитета // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 6. С. 231–265.

Бек У. Общество риска. На пути к другому модерну. М. Прогресс-Традиция, 2000.

Бейтсон Г. К теории шизофрении. Экология разума. М., 2000. С. 232–234.

Майленова Ф. Г. Эмоциональные последствия пандемии коронавируса: этико-психологический аспект // Человек. 2020. Т. 31, № 6. С. 101–112.

Макушева М., Нестик Т. Социально-психологические предпосылки и эффекты доверия социальным институтам в условиях пандемии // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 6. С. 427–447.

Первушина О., Фёдоров А., Дорошева Е. Переживание пандемии COVID-19 и толерантность к неопределенности // *Reflexio*. 2020. Т. 13, № 1. С. 5–20.

Первушина О., Шабалин А. Пандемия COVID-19: обзор первых публикаций // *Reflexio*. 2020. Т. 13, № 2. С. 5–29.

Талёб Н. Черный лебедь. Под знаком непредсказуемости. М., 2010.

Bateson G. Double Bind (1969) // Bateson G. Steps to an Ecology of Mind: Collected Essays in Anthropology, Psychiatry, Evolution, and Epistemology. University of Chicago Press, 1972.

Brooks S., Webster R., Smith L., Woodland L., Wessely S., Greenberg N., Rubin G. The psychological impact of quarantine and how to reduce it: rapid review of the evidence // *Lancet*. 2020. Vol. 395: 912–920.

Chater N. Facing up to the uncertainties of COVID-19 // *Nat Hum Behav*. 2020. 4, 439. URL: <https://www.nature.com/articles/s41562-020-0865-2> (дата обращения 14.02.2021)

Li S., Wang Y., Xue J., Zhao N., Zhu T. The Impact of COVID-19 Epidemic Declaration on Psychological Consequences: A Study on Active Weibo Users // *Int. J. Environ. Res. Public Health*. 2020. 17, 2032.

McFadden S., Malik A., Aguolu O., Willerbrand K., Omer S. Perceptions of the adult US population regarding the novel coronavirus outbreak // *PLoS One*, 2020. Vol. 15, № 4. URL: https://www.researchgate.net/publication/340723661_Perceptions_of_the_adult_US_population_regarding_the_novel_coronavirus_outbreak (дата обращения 14.02.2021)

Mustafa N. Psychological stress and Associated Factors during the Coronavirus Disease, 2020. URL: https://www.researchgate.net/publication/341090658_Psychological_Stress_and_Associated_Factors_during_the_Coronavirus_Disease_COVID-19 (дата обращения 14.02.2021)

Wang C., Pan R., Wan X., Tan Y., Xu L., Ho C., Ho R. Immediate Psychological Responses and Associated Factors during the Initial Stage of the 2019 Coronavirus Disease (COVID-19) Epidemic among the General Population in China // *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 2020. Vol. 17. P. 1729.

Zarocostas, John. 2020. How to fight an infodemic // *Lancet*. 2020. № 29. 395 (10225): 676.

References

Arkhipova A., Radchenko D., Kozlova I., Peigin B., Gavrilova M., Petrov N. (2020). Specifics of Infodemic in Russia: From WhatsApp to the Investigative Committee. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes]. № 6. P. 231–265. (in Russ.)

Bateson G. Double Bind (1969) // Bateson G. Steps to an Ecology of Mind: Collected Essays in Anthropology, Psychiatry, Evolution, and Epistemology. University of Chicago Press, 1972.

Bateson, Gregory. (2000). Toward a Theory of Schizophrenia in *Ekologiya Razuma* [Steps to the Ecology of Mind]. Moscow, Zaharov, p. 232–234. (in Russ.)

Beck U. (2000). Risk Society. Towards a New Modernity. Moscow, Progress-Tradition. (in Russ.)

Brooks S., Webster R., Smith L., Woodland L., Wessely S., Greenberg N., Rubin G. (2020). The psychological impact of quarantine and how to reduce it: rapid review of the evidence. *Lancet*, vol. 395: 912–920.

Chater N. (2020). Facing up to the uncertainties of COVID-19. *Nat Hum Behav.* 4, 439. URL: <https://www.nature.com/articles/s41562-020-0865-2> (accessed: 14.02.2021)

Li S., Wang Y., Xue J., Zhao N., Zhu T. (2020). The Impact of COVID-19 Epidemic Declaration on Psychological Consequences: A Study on Active Weibo Users. *Int. J. Environ. Res. Public Health.*, 17, 2032.

Mailenova F. (2020). Emotional Effects of the Coronavirus Pandemic: Ethical-Psychological Aspect. *Chelovek [Human]*, vol. 31, no. 6, p. 101–112. (in Russ.)

Makusheva M., Nestik T. (2020). Socio-Psychological Preconditions and Effects of Trust in Social Institutions in a Pandemic. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* [Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes], no. 6, p. 427–447. (in Russ.)

McFadden S., Malik A., Aguolu O., Willerbrand K., and Omer S. (2020). Perceptions of the adult US population regarding the novel coronavirus outbreak. *PLoS One*, vol. 15, no. 4. URL: https://www.researchgate.net/publication/340723661_Perceptions_of_the_adult_US_population_regarding_the_novel_coronavirus_outbreak (accessed: 14.02.2021)

Mustafa N. (2020). Psychological stress and Associated Factors during the Coronavirus Disease. URL: https://www.researchgate.net/publication/341090658_Psychological_Stress_and_Associated_Factors_during_the_Coronavirus_Disease_COVID-19 (accessed: 14.02.2021)

Pervushina O., Fedorov A., Dorosheva E. (2020). The Experience of the COVID-19 Pandemic and Tolerance to Uncertainty. *Reflexio*, 13 (1), 5–20. (in Russ.)

Pervushina O., Shabalin A. (2020). COVID-19 Pandemic: review of first publications. *Reflexio*, 13 (2), 5–29. (in Russ.)

Taleb N. (2010) The Black Swan. The Impact of the Highly Improbable. Moscow, Sberbank. (in Russ.)

Wang C., Pan R., Wan X., Tan Y., Xu L., Ho C, Ho R. (2020) Immediate Psychological Responses and Associated Factors during the Initial Stage of the 2019 Coronavirus Disease (COVID-19) Epidemic among the General Population in China. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, vol. 17, p. 1729.

Zarocostas, John. (2020). How to fight an infodemic. *Lancet*, no. 29. 395 (10225): 676.

Материал поступил в редколлегию
The article was submitted
15.02.2021

Сведения об авторе

Первушин Николай Сергеевич, преподаватель кафедры психологии личности Института медицины и психологии им. Зельмана Новосибирского государственного университета, младший научный сотрудник Междисциплинарного центра прикладного анализа поведения ИМПЗ НГУ (Новосибирск, Россия)

nickd17@yandex.ru

AuthorID RSCI 806942

Information about the Author

Nikolay S. Pervushin, lecturer of the Section of Personality Psychology of the V. Zelman Institute for the Medicine and Psychology of Novosibirsk State University, junior researcher of the Center for Behavior Analysis at Novosibirsk State University (Novosibirsk, Russian Federation)

nickd17@yandex.ru

AuthorID RSCI 806942